

ДАНИИЛ ВЕРЕТЕННИКОВ
АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВ
ГАВРИИЛ МАЛЫШЕВ

Клизма романтизма

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО ПОСТСОВЕТСКОЙ
АРХИТЕКТУРЕ
ПЕТЕРБУРГА

Пешком по городу

Даниил Веретенников

**Клизма романтизма.
Путеводитель по постсоветской
архитектуре Петербурга**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 78.087.55
ББК 26.89(2Рос)

Веретенников Д. И.

Клизма романтизма. Путеводитель по постсоветской архитектуре
Петербурга / Д. И. Веретенников — «Издательство АСТ»,
2022 — (Пешком по городу)

ISBN 978-5-17-148103-2

Архитектура эпохи капиталистического романтизма (1990–2000-е гг.) – одна из самых спорных страниц материального наследия России. Её принято ругать и критиковать, но именно о ней в конструктивном ключе пойдёт речь на страницах этой книги. Даниил Веретенников, Александр Семёнов и Гавриил Малышев – петербуржцы и основатели проекта «Клизма романтизма». Именно они стали рупорами капрома на просторах интернета и за его пределами. В книге «Клизма романтизма. Путеводитель по постсоветской архитектуре Петербурга» в доступном формате путеводителя авторы рассказывают о необычной стороне культурной столицы, ведь прогулка по городу с книгой в руках упрощает знакомство со зданиями, о которых идёт речь. В этой книге вы найдёте: • Возможность открыть для себя совершенно новый Питер; • Маршруты по разным частям города; • Прогулки по ранее неизвестным вам районам, ТЦ и ЖК СПб; • Причины, по которым всё-таки стоит взглянуть; на отталкивающие на первый взгляд формы; • Замыслы архитекторов; А также узнаете, почему Петербург из Северной Венеции давно пора переименовать в Северный Дубай. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 78.087.55
ББК 26.89(2Рос)

ISBN 978-5-17-148103-2

© Веретенников Д. И., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	7
Маршрут 1	11
1. Жилой комплекс «Аврора»	11
2. Жилой дом в Крестьянском переулке	14
3. Павильон станции метрополитена «Горьковская»	16
4. Кафе «Parkking»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Клизма романтизма. Путеводитель по постсоветской архитектуре Петербурга

© Веретенников Д. И., Семёнов А. В., Малышев Г. Н., текст, 2022

© П. Фролёнок, обложка, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

В одном из петербургских законов, призванных охранять городское историко-культурное наследие, есть список из 75 «диссонирующих объектов». По сути, это законодательное закрепление перечня архитектурных ошибок, по отношению к которым рекомендовано проведение определенных мер – от загадочной «визуальной нейтрализации» до полного сноса.

Почти две трети объектов этого списка – здания, построенные после распада Советского Союза, то есть в период капиталистического романтизма. Удивительно, но архитектурные эксперименты советских лет, беспрецедентные по смелости и радикальности, оказались в меньшинстве по сравнению с плодами относительно короткого строительного бума рубежа XX–XXI вв.

Действительно, архитектура эпохи капиталистического романтизма (1991–2008 гг.) – самый спорный пласт нашего культурного наследия. Многие здания тех лет появлялись на свет под язвительную критику современников, становились предметом всеобщего раздражения и насмешек и сразу обретали саркастические прозвища, среди которых «шляпа незнайки», «дом-щелкунчик», «вставной зуб» и «летающая тарелка» – это еще самые безобидные. В Москве, куда первые постсоветские десятилетия принесли особенно драматические изменения, понятие лужковской архитектуры стало синонимом китча, безвкусицы да и попросту – градостроительного произвола. Но лихая архитектура лихих девяностых изменила не только Москву. Подобное, пусть и в меньших масштабах, происходило и в других российских городах, и длилось это по меньшей мере до начала 2010-х, когда стала крепнуть стабилизирующая сила в виде градостроительных регламентов, дизайн-кодов и градозащитных сообществ, старавшихся не допустить появления чересчур одиозных построек.

Какими бы ни были причины конца капрома – всемирный ли финансовый кризис, притормозивший реализацию многих проектов, усиление ли государственной градостроительной политики или же просто закономерное развитие рынка профессиональных проектных услуг, – баланс сил в архитектурном процессе в начале 2010-х заметно изменился. Многие определяют эти изменения как рост среднего качества проектной культуры. Может и так, но нам представляется, что уместнее было бы говорить не о качественном прогрессе, а об очередном стилистическом сдвиге.

Так или иначе, за последние 10–15 лет, прошедших с условной даты окончания периода капиталистического романтизма, архитектура стала другой. Все чаще спокойная, уравновешенная и компромиссная – она превращается в фон, на котором разудалые архитектурные экзерсисы девяностых и нулевых порой выглядят подростковым чудачеством. И – вот что самое удивительное – от вчерашней ненависти к ним сегодня не остается и следа. Вместо привычных раздражения и обиды – интерес, внимание и даже любовь. Вместо ассоциаций с бандитскими разборками, заказными убийствами и прочими эффектами олигархического капитализма – воспоминания об ушедшей эпохе политической гласности и ностальгия по утраченным свободам слова и самовыражения.

Мы называем стиль той эпохи романтизмом по двум причинам: во-первых, этот термин напоминает о романтике времени, отражает то опьянение свободой и ту жажду творческих экспериментов, которые охватили архитекторов после перехода страны на рыночную экономику и избавления от государственного идеологического диктата. Во-вторых, в истории уже был один романтизм, и он удивительно похож на этот, постсоветский. Речь идет о романтизме в европейской и русской культуре XVIII–XIX веков. Он появился как реакция на усталость от тотальной одинаковости и казенщины классицизма. Его философия строилась на обращении к внутреннему миру человека, смещении фокуса внимания с общественных интересов на индивидуальные. Подобные процессы происходили в художественной среде в начале девяностых: коллективистское сознание резко вытесняется стремлением показать свою индивидуальность, выделиться из толпы, реализовать персональные вкусы. Новый романтизм – такая же закономерная реакция на советский модернизм, как романтизм XVIII века – на имперский классицизм.

В широком смысле капром – часть общемирового культурного явления, именуемого постмодернизмом. Теорию постмодернизма начиная с 1960-х годов развивали американские и западноевропейские философы, и классическими примерами постмодернистской архитектуры служат постройки именно американских авторов.

Генезис постмодернизма в странах глобального Запада принципиально отличается от процессов, протекавших в постсоциалистических странах. Отличия настолько существенны, что наш постсоветский постмодернизм безусловно достоин концептуализации в качестве самостоятельного исторического феномена. Капиталистический романтизм – это конструкция, предлагающая альтернативу колониальной оптике, в которой постсоветское архитектурное наследие воспринимается как периферийный, а потому малозначительный извод общемирового постмодернизма. Мы утверждаем, что русское постсоветское обладает яркой самобытностью и безусловной исторической ценностью – как из-за уникальности социоэкономической конъюнктуры своего возникновения, так и в силу суммы внутренних качеств.

* * *

В Санкт-Петербурге пора капиталистического романтизма не оставила после себя такого яркого и спорного архитектурного наследия, как, например, в Москве, Казани, Саранске или Йошкар-Оле. Тем не менее, явление петербургского капрама исключительно для России. И дело здесь не в архитектурных особенностях самих построек, а в совершенстве того контекста, в который они погружены. В большинстве своем эти здания относительно сдержанны и контекстуальны – настолько, что в любом другом городе, пожалуй, они и вовсе остались бы не приметны. Но в Петербурге, где все предельно тонко, деликатно, искусно, – даже малой степени постмодернистской смелости достаточно, чтобы выглядеть вызывающе. Может быть, именно поэтому новое строительство на улицах исторического центра Петербурга всегда воспринималось острее, чем в других городах.

Когда мы только задумывали этот путеводитель, нашей целью был ни много ни мало капитальный рефрейминг в отношении к постсоветской архитектуре. Нам казалось важным не просто замахнуться на реабилитацию того, что принято нещадно критиковать, но и преподнести это как одну из важнейших глав нашего прошлого. Однако работа над книжкой затянулась на три года, и по их прошествии нам стало очевидно, что наши первоначальные цели оказались достигнуты сами собой. Раз капром все более и более интересен и любим, нашему путеводителю остается претендовать на задачи пос скромнее. Поэтому мы решили, что наша миссия – бережно собрать сведения о самых ярких памятниках эпохи, встретиться с некоторыми из их создателей и рассказать читателям те истории, которые поразили нас больше всего. Кто знает, может быть, эта книжка сможет вдохновить кого-нибудь на более фундаментальное исследование – такое, в котором наследие конца XX – начала XXI века, безусловно, нуждается.

Даниил Веретенников

Маршрут 1

Выборгская и Петроградская стороны

Даниил Веретенников

1. Жилой комплекс «Аврора»

Пироговская наб., д. 7А
Архитектурная мастерская Садовского
2000–2005 гг.

Название этого жилого комплекса на какое-то время стало для Петербурга нарицательным. «Они хотят построить новую Аврору», – так говорили про каждую затею о возведении очередной неуместной высотки, грозящей вторгнуться в иконические городские панорамы. Но продлилось это недолго. Спустя пару лет после окончания строительства «Авроры» по соседству с ней пугающе зачернел монструозный силуэт другого жилого комплекса, и с этого момента синонимом градостроительной ошибки сделалось имя «Монблан». На фоне «Монблана» «Аврора» выглядит исполненной изящества и вкуса, хотя оба этих объекта в равной степени радикально изменили привычную линию горизонта при взгляде с Троицкого моста или со стороны Летнего сада.

Теперь уже трудно сказать, что сильнее мозолит глаза консервативно настроенным петербуржцам – «Аврора» или «Монблан», – но факт остается фактом: за всю постсоветскую эпоху в Петербурге не было построено ничего, что столь же значительно изменило бы образ центральной части города. И только появление «Лахта-центра» с его почти полукилометровой высоты небоскребом сместило фокус внимания петербургских стражей небесной линии.

Рождённая в самом начале нулевых, «Аврора» – источник и причина всех градозащитных фобий, не преодоленных до сих пор, жуткий доппельгангер нового Петербурга. От «Авроры» родом – и ненависть к стеклу, и страх больших масштабов, и презрение к вольному цитированию классических форм. Хотя, казалось бы, все эти приемы имеют рациональные объяснения. Судите сами. Тонированное стекло призвано «растворить» здание в небе, уменьшив его заметность. Купола и шпиль – недвусмысленный оммаж стоящему напротив зданию Нахимовского училища. А масштаб... Широта водных просторов просто не потерпела бы в таком ответственном месте какую-нибудь мелочь: глаз просит внятных штрихов и крупных пятен. С точки зрения формальной композиции берег Выборгской стороны нуждался в высотном акценте, который удерживал бы взгляд наблюдателя со стороны центральных приневских ансамблей. Однако городу, построенному вопреки и назло здравому смыслу, мало чем полезны рассудочные доводы. Плевков в лицо, бельмо на глазу, вставная челюсть, снесите это немедленно.

О необходимости появления высотной доминанты на Выборгской стороне начали говорить еще в середине XX века. Пироговская и Арсенальная набережные оставались единственным незавершенным «фасадом» главной площади города – пространства Невы в пределах Биржевого, Дворцового и Литейного мостов. В начале шестидесятых один из наиболее прославленных ленинградских архитекторов Сергей Сперанский разрабатывает для этого места проект гостиницы в форме двух спаренных вертикальных пластин. Однако от столь инородной старому городу затеи тогда было решено воздержаться, и вплоть до конца советской эпохи это место застраивалось исключительно горизонтальными объемами. В 1966–1970 гг. здесь возводится первая очередь гостиницы «Ленинград» – девятиэтажная пластина, выполненная в строгих традициях зрелого модернизма; в начале 1980-х сооружается «Синий дом» – длинная десятиэтажка по Финляндскому проспекту, чьи аркада, фальшскатная крыша и броский цвет стен делают ее одним из самых стильных памятников ленинградского постмодернизма. По замыслу автора проекта – архитектора Виктории Струzman – место, на котором сегодня высится ЖК «Аврора», должна была занять вторая очередь этого дома, плавной дугой выходящая с Финляндского проспекта на Пироговскую набережную. Но и этот проект не был реализован.

К вопросу застройки углового участка вернулись лишь на рубеже веков. В 2001 году провели конкурс, в котором выиграла команда архитекторов под руководством Тимофея Садовского. Именно их проект и был осуществлен. Застройщик сумел «пробить» действовавший высотный регламент и построить здание, высота которого превышает 70 метров без учета шпиля. Два года стройка была заморожена в связи с судебными разбирательствами, но в конце концов суд встал на сторону застройщика и разрешил закончить объект.

В проекте жилого комплекса премиум-класса нашли отражение все самые смелые представления о новых высотах качества жизни в центре города: панорамные лоджии с премиальными видами, встроенный отапливаемый паркинг на семьдесят премиальных машин, закрытый двор с премиальными камерами слежения... Жители пентхаусов на верхних этажах имеют удовольствие пользоваться персональными премиальными лифтами, ведущими прямо к их квартирам без остановок на других этажах.

...Здесь, у Сампсониевского моста, стоят на вечном приколе две «Авроры» русских революций. Одна, возвестившая о революции социалистической, и вторая, ознаменовавшая триумфальный реванш капитализма, – обе выглядят бессмысленно и нелепо: ржавеющие символы ненужных пертурбаций.

2. Жилой дом в Крестьянском переулке

Крестьянский пер., д. 4А

Архитекторы: Е. М. Рапопорт, В. В. Попов

2001 г.

«Арка, завершающая главный ризалит фасада, и шар – не просто декоративные формы. Они наполняют содержание хорошо нарисованного дома дополнительными значениями [...] В сознании потребителя возникают сравнения, ориентация на архетипы, утверждающие вечные и неизменные ценности, внушающие представления о надежности и прочности мира».

Ю. И. Курбатов

«Дома с аркой и шаром» больше нет. Точнее, сам дом никуда не делся, он все так же стоит на своем месте, скромно-благородно отступив от красной линии. Но нет больше ни арки, ни шара, которые давали ему имя. А это значит, что сегодня это просто дом номер 4А по Крестьянскому переулку, о котором отныне незачем писать в путеводителях.

Декоративные элементы, венчавшие карниз здания, самовольно демонтированы жителями квартиры на верхнем этаже зимой 2019 года.

Теперь ни к чему описывать элементы богатой постмодернистской палитры, примененные авторами в этом проекте. Совершенно бессмысленно восхищаться остроумием и нетривиальностью фасадной композиции. Нет резона заострять внимание на приземистой пилястре по оси фасада, сжатой под тяжестью рустованного пиллона. Нет желания удивляться разнообразию форм балконов и оконных проемов, пластике ризалита...

Дорогой читатель, перелистни эту страницу и береги себя от встреч с людьми, которые считают себя вправе так поступать с домами.

3. Павильон станции метрополитена «Горьковская»

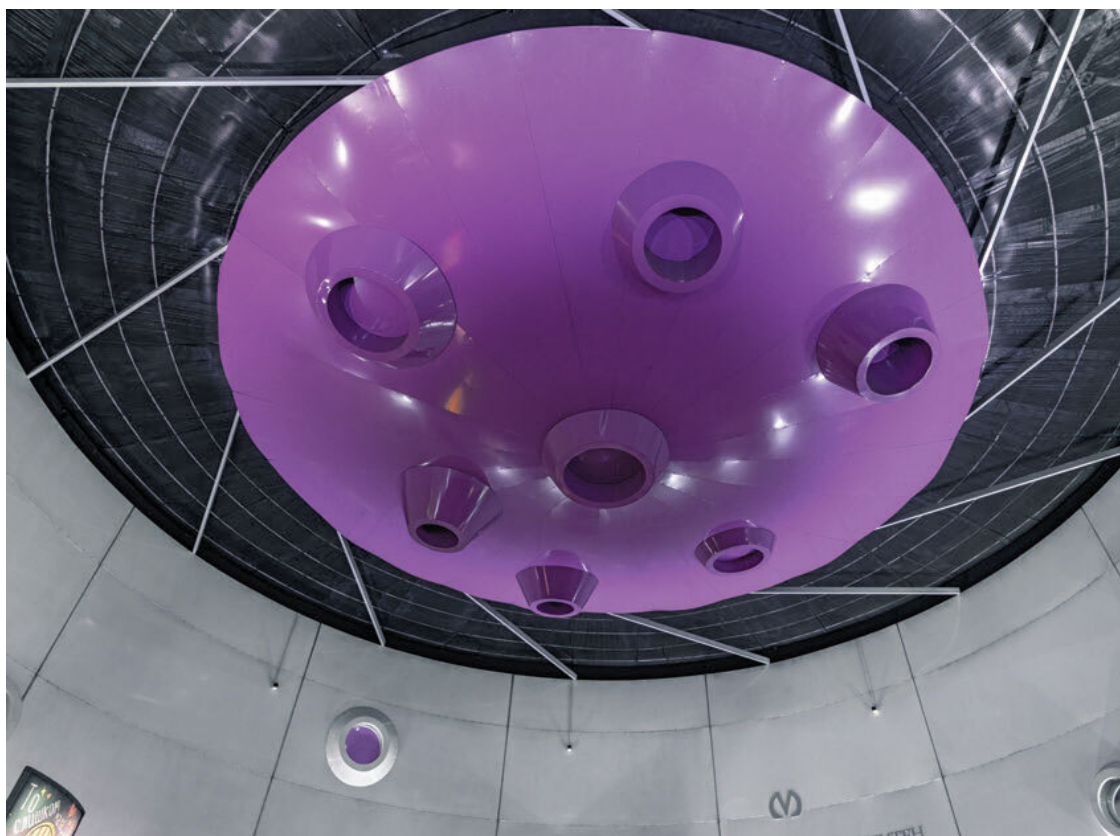
Александровский парк, д. 6
Архитектурное бюро SUART
2008–2009 гг.

Как и многие заметные здания своей эпохи, обновленный после реконструкции 2008–2009 годов павильон «Горьковской» получил собственное народное название. Еще до официального открытия петербуржцы предсказуемо окрестили его летающей тарелкой. Павильон был просто обречен на такое прозвище: он словно срисован с космического корабля из фильма о пришельцах.

Старый павильон, сооруженный по типовому проекту (такой же можно увидеть, например, на «Парке Победы»), был снесен в ходе плановой реконструкции станции летом 2009 года. Несмотря на то что он был построен в начале шестидесятых, в самый разгар эры покорения космоса, в его образе было куда меньше инопланетного, чем в нынешнем. Вряд ли такой поворот к космической тематике можно объяснить простой близостью «Горьковской» к Петербургскому Планетарию. После знакомства с другими проектами архитекторов становится ясно, что такой выбор средств художественной выразительности – это устойчивый стилистический почерк мастерской.

Архитектор, основатель проектного бюро SUART Александр Захариевич Супоницкий называет свой стиль псевдокинетикой. Динамичные формы, активные силуэты, уверенные диагонали и тела вращения, из которых складываются проекты мастерской, действительно выделяются на фоне статичного и невозмутимо-сдержанного Петербурга.

В процессе подготовки к реконструкции обсуждались планы сделать вестибюль станции метрополитена частью нового торгово-развлекательного центра – схема, хорошо отработанная в 2000-е годы на других станциях. Однако к концу эпохи капиталистического романтизма петербургское градозащитное сообщество уже достаточно окрепло для того, чтобы не допустить появления в Александровском парке столь токсичного объекта и дать отпор инвестору, который в 2007 году уже успел разработать проект и пытался было получить утверждение на Градостроительном совете.

Как бы ярко ни выглядел павильон снаружи, основная «изюминка» проекта все же внутри. Это декоративная композиция, украшающая плафон над вестибюлем. Авторы пытались изобразить испещренную кратерами лунную поверхность розовато-сиреневого цвета, но горожане увидели в ней коровье вымя, а развидеть такое, как ни старайся, уже не получится.

Необъяснимым атавизмом давно прошедшей эпохи малиновых пиджаков и шестисотых «Мерседесов» выглядит на этом ретрофутуристическом фоне полированный красный гранит, которым облицован пьедестал летающей тарелки. Но самое комичное в другом. По задумке архитекторов, поверхность пологих гранитных призм, выпирающих из пьедестала для разделения потоков, должна быть превращена в газон. Однако в процессе реализации эта задача оказалась непосильной, и на замену живой траве были призваны прямоугольники ядовито-зеленого ковролина, постеленные прямо поверх гранита.

Как можно было ожидать, постройка вызвала у горожан бурную и противоречивую реакцию, которая вылилась в многочисленные возмущенные тирады в СМИ и интернете. Теперь уже поздно разбираться в том, что именно стало причиной такого восприятия: то ли вымя космической коровы, то ли низкое качество отделки, контрастирующее с общей инопланетностью

образа, то ли обида за Максима Горького, память о котором оказалась невольно вымаранной таким смелым дизайном.

4. Кафе «Parkking»

Александровский парк, д. 5А

Архитектурная мастерская «Витрувий и сыновья»

2005–2006 гг.

Парк делает плавный мостообразный изгиб и накрывает большое зальное пространство, выглядывающее из-под него, словно из-под одеяла, изогнутыми стеклянными порталами в бетонных обрамлениях нелинейных очертаний.

Такое описание, пожалуй, даже у петербуржца вызовет ассоциацию с московским парком «Зарядье». Однако речь идет именно о петербургском объекте. Причем построен он был задолго до того, как в Москве приступили к сносу гостиницы «Россия» на месте будущего парка.

Увы, типология объекта настолько редка для России, что соблазн начать очерк с такого сравнения почти неизбежен, несмотря на то что оно работает против нашего героя – кафе «Parkking» в Александровском парке. И дело не столько в качестве строительства и выборе материалов: здесь определенно можно сделать скидку на более раннее время создания, не говоря уже о степени ответственности проекта. Скорее дело в том, как последующая жизнь объекта исказила его первоначальный облик. Невозможно себе представить, чтобы «Зарядье» постигла участь быть облепленным самовольными пристройками, заставленным цветастыми зонтиками и дешевой пластиковой мебелью. «Зарядье» – выставочный экспонат, витрина достижений отечественного (на самом деле нет) ландшафтного искусства, обреченная поддерживаться в идеальном порядке и первозданном совершенстве. В противоположность ему, Александровский парк на Петроградской стороне – живой организм, пространство постоянного метаболического бурления и саморазвития. Здесь высокий штиль имперских архитектурно-планировочных задумок переплетается с колхозным креативом современного муници-

пального благоустройства; величавая торжественность театра имени Ленинского комсомола (1933–1936 гг., архитекторы Н. А. Митурич, В. П. Макашов) органично дополняется наивным футуризмом павильона станции метро «Горьковская» (2008–2009 гг., архитектор А. З. Супонинский) и трешовостью расположенного по соседству парка миниатюр. Где еще в чопорном Петербурге архитектура предложит такой спектр эмоциональных переживаний?

Именно здесь, как нигде больше, уместен и этот новый парковый аттракцион от архитектурной мастерской «Витрувий и сыновья». Авторы не скрывают, что задумывали этот объект скорее как ландшафтную инсталляцию (land art), нежели как архитектурное сооружение. С другой стороны, сам формат укрытия под землей вполне традиционен для европейской парковой архитектуры. В этом смысле кафе «Parking» – это классический парковый грот, исполненный в новых формах и материалах. Один такой грот, чуть более ортодоксального вида (1903 г.), есть и в Александровском парке; сейчас в нем также располагается кафе. В отличие от своего исторического предшественника, крыша которого служит общедоступной смотровой площадкой, новый грот является продолжением паркового пространства лишь визуально: его склоны огорожены заборами и не предназначены для прогулок.

Выбор гибридной ландшафтно-архитектурной формы обусловлен желанием сформировать «контактный фронт» между тихой прогулочной зоной и группой крупных зрелищно-развлекательных объектов, подразумевающих большой наплыв посетителей. Возможно, именно благодаря этому буферу не столь остро ощутилось вторжение в пространство Александровского парка киноцентра «Великан-парк», чья псевдоампирная коробка появилась здесь в 2011–2013 гг.

Внутреннее пространство кафе разделено кухонным блоком на два крыла, каждое из которых имеет двустороннюю ориентацию на запад, в сторону киноцентра, и восток, на основ-

ную часть парка. В интерьере потолок повторяет изгиб наружной части покрытия и имеет переменную высотность от 1,9 м по флангам до 3,2 м в центре зала.

Внешний вид постройки подвергался неоднократным изменениям. К главному входу пристроен тамбур в виде простодушной ордерной полуротонды, а северный склон укрывающего грот холма превращен в амфитеатр и в теплый сезон используется как открытое кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.